

Ж.С. Мажитова

О функциях биев¹ в казахском обществе: некоторые подходы современных российских и казахстанских исследователей к проблеме

В статье рассматриваются подходы современных ученых по вопросам функциональных особенностей бийского института. Ученые отмечают, что бии в казахском обществе сосредоточивали в своих руках широкие полномочия, позволявшие им управлять кочевым обществом.

Ключевые слова: современная российская и казахстанская историография; суд биев; функции биев.

Традиционное казахское общество XVII–XIX веков представляет собой тот тип государственности, когда род является главным звеном политического, общественного и социального устройства. Дисперсное состояние кочевого общества, вытекающее из основного занятия казахов — кочевого и полукочевого скотоводства, предполагало создание таких структур, которые могли сосредоточивать в своих руках рычаги управления общиной. Сезонные перекочевки, отдаленность маршрутов кочевания, разбросанность пастбищных угодий не позволяли центральной власти в лице правителей (ханов) в полной мере и повсеместно контролировать зависимую от времени года жизнь общинников. В таких условиях все полномочия власти на местах соединяли в своих руках бии-предводители, которые обеспечивали жизнедеятельность родовому коллективу, в первую очередь, — сохранение кровнородственных отношений, которые служили фундаментом существования общины.

Современные биеведы ясно говорят, что все вопросы внутренней политики, такие как поддержание внутривидового порядка, решение спорных и конфликтных ситуаций, административные вопросы, связанные со сменой мест кочевания, а также вопросы внешней политики, как то: задачи войны и мира, регулирование отношений с другими государствами в интересах своего народа — находились в руках биев-старшин-родоправителей. Являясь одной из серьезных политических сил в обществе, бии оказывали непосредственное влияние на политику верховных правителей.

Изучение различных аспектов внутренней политики Казахского ханства, роли биев в реализации этой политики получили разностороннее освещение

¹ Институт биев — орган власти в традиционном казахском обществе, сосредоточивший в своих руках все властные полномочия, в том числе судебные.

в ряде работ. Особенно острые споры ученых вызвал вопрос о полномочиях бийского института в казахском обществе. Одни ученые (Д.Д. Бажиров, Т.И. Султанов и др.) доказывают, что бии в качестве родового предводителя решали вопросы, охватывающие все сферы жизнеустойчивости кочевого организма, т. е. обладали достаточно широкими полномочиями, включая роль распорядителя и управителя общиной; другие ученые (С.З. Зиманов и др.) склонны видеть в биях только судебных вершителей, которые ограничивали поле своей деятельности правовой функцией. Остановимся более подробно на доводах исследователей.

Для традиционного общества, каковым и было в XVII–XIX веках казахское, присуще неразделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Вопрос полноты обладания биев властью зависел от многих факторов, в том числе от древности и знатности рода, от принадлежности к привилегированной группе, личных качеств. Так, Д.Д. Бажиров отмечает, что казахское общество было стратифицированным и делилось на две большие группы — «ақ сүйек» (белая кость) и «қара сүйек» (черная кость). В условиях отсутствия государственного аппарата управления и при этом — наличия патриархальных отношений, у казахов не существовало специального судебного органа — функции судьи выполняли люди, «которые пользовались в обществе уважением за свой ум и неоднократные справедливые, умелые решения спорных дел» [1: с. 105].

В своей работе Д.Д. Бажиров рассматривает важную роль судебной функции биев. Он отмечает, что бии руководствовались не кодифицированным правом, а обычаями, традициями, верованиями казахов. Поэтому зачастую судебные решения биев зависели от личных качеств «судей», их знаний норм обычного права, желания примирить спорящих (истца и ответчика). Примирительная процедура состояла в заключении брака между детьми спорящих сторон, в результате которого «стороны должны помириться» через обет дружбы, предполагавший, что «друзья никогда и ни в чем не отказывали друг другу. Обыкновенно они поочередно приезжали друг к другу, делали “калау” (выбор чего-либо. — Ж.М.) и без всякого отказа получали ту вещь или скотину, которую выбрали. Бии, пользуясь этим обычаем, заставляли тяжущихся обняться и давали право “калау” истцу, а ответчику в свою очередь определяли для приезда за “калау” самый отдаленный срок» [1: с. 126].

Значительный вклад в изучение вопросов социальной структуры казахского общества внесли известные Санкт-Петербургские историки С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов. Работы ученых отличаются лаконичность, последовательность в изложении материала, твердость научных позиций, вне зависимости от политической конъюнктуры, без «метаний из одной крайности в другую» в угоду официальной идеологии. Позволим себе привести выдержки из более ранних работ этих ученых, в которых вопросы традиционной структуры казахского общества созвучны с их же последними исследованиями.

Ведущий специалист по истории Казахстана дореволюционного периода Т.И. Султанов, знаток персидских и тюркских источников, отмечает: «Бии

казахских жузов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная власть. Поскольку бии вершили суд, они просто должны были сохранять в памяти действующее право, а это, кстати сказать, предполагает существование в казахском обществе “касты” профессиональных хранителей юридических установлений и толкователей обычного права, в роли которых и выступали бии. Очевидно, не случайно, что все известные ныне ранние записи фрагментов “Жети Жаргы” были произведены в свое время со слов предводителей родов» [8: с. 98–99]. В более поздней совместной работе С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов эти функции (судебную и административную. — *Ж.М.*) дополняют военными полномочиями: они «придавали биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщаясь на ежегодно созываемое “народное собрание”. Наиболее влиятельные родоначальники входили в “совет биев” при хане» [4: с. 133; 7].

Основную причину привилегированного положения биев С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов видят в том, что они — представители национальной аристократии (в противовес денациональному сословию — чингизидам), выросшие из самых недр родов и племен, впитавшие коренные традиции и обычаи казахского народа, накапливающие и передающие знания из поколения в поколение. Именно бии осуществляли связь времен, обеспечивая формирование кочевого мировоззренческого синкретизма, сформировавшего лучшие качества народа, такие как «выносливость, спокойствие духа, предрасположенность к общению, толерантность к чужому мнению, любовь к человеку, природе. Вся суть кочевнического менталитета заключалась в том, что человек никогда не должен замыкаться в своем мире. Он — существо коллективное, универсальное, принадлежит вселенной» [9: с. 7].

Значительное место в исследованиях Т.И. Султанова занимает уникальный правовой памятник обычного права казахов «Жеті жарғы» (Семь установлений Тауке хана)².

Не вдаваясь в историю создания памятника, обратим внимание в работе Т.И. Султанова на правотворческую функцию биев. Так, ученый отмечает, что

² Считаем, что накопленный учеными исторический материал позволяет провести самостоятельное историографическое исследование этого правового документа. К тому же в работах Ж.О. Артыкбаева и других ученых дана весьма подробная историография данного вопроса, поэтому полагаем, что останавливаться подробно на этой проблеме нет необходимости. См.: Узбекулы С. Хан Тауке и правовой памятник «Жеті Жарғы». Алматы: Өркениет, 1988. 88 с.; Артыкбаев Ж.О. «Жеті Жарғы» — мемлекет және құқық ескерткіші (зерттелуі, деректер, тарихы, мәтіні). Оқу құралы. Алматы: Заң әдебиеті. 2004. 150 б. («Жеті Жарғы» — памятник государства и права (исследование, документы, история, содержание); и др. Среди историков и правоведов, занимающихся изучением законов хана Тауке, нет единого мнения по многим аспектам этого памятника: времени возникновения уложения Тауке хана, авторства «Жеті жарғы», периода действия законов, более того, варианты этого правового документа записаны на русском языке, поскольку казахское право сохранилось благодаря устной традиции.

существует несколько легенд об авторстве «Жети жаргы» [8: с. 64–77], согласно одной из них Тауке хан собрал в урочище Куль-Тобе (современная Южно-Казахстанская область) знаменитых биев (по одной версии трех — Толе би, Казыбек би, Айтеке би, по другой семь — Толе би, Казыбек би, Айтеке би, Караш би, Сасык би, Мухаммед би, Кокым би), которые, соединив старые обычаи (Касым хана и Есим хана) с новыми, создали это установление.

Источники не отмечают роль биев в составлении сводов законов Касым хана и Есим хана, в то же время несколько преданий гласят о том, что одна из основных ролей в аккумуляции правовых обычаев в стройную судебную систему принадлежит именно биям.

Таким образом, накопление знаний и умений многовекового опыта казахского народа позволило биям сосредоточить в своих руках всю полноту власти. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов обращают внимание на один интересный аспект в этом вопросе. Простудировав большой пласт источников, авторы говорят о том, что многие периоды истории остаются пока неизведанными, однако это не мешает ученым выносить на всеобщее обсуждение некоторые проблемные вопросы истории. По мнению ученых, рубеж XVI–XVII веков стал судьбоносным в истории степи. В этот период происходит смена форм социально-политической организации казахского общества — переход от улусной системы объединения племен к жузовой. Факторов, повлиявших на этот изменение, несколько. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов подчеркивают, что, хотя и не обладают достаточными фактами, «могущими безусловно доказать справедливость нашего вывода», тем не менее они полагают, что первый фактор — включение «в состав территории с древними центрами городской и оседло-земледельческой культуры, создавшими определенные зоны хозяйственного и культурного притяжения для населения окружающих их степей. Вторым фактором, в известной мере являвшимся следствием первого, было формирование аульной системы расселения, хозяйствования и быта. Именно этот процесс особенно очевиден при анализе источников XVII в.» [3: с. 342]. Этот последний фактор сыграл, по-видимому, ключевую роль, так как переход при кочевании от кибиток на колесах к разборным юртам предопределил, наряду с другими факторами генеалогического и территориального свойства, появление таких зон кочевания, которые не совпадали с улусным (административным) дроблением общеказахской территории. И если при улусном кочевании во главе крупных и малых улусов стояли чингизиды-султаны, обладавшие всей полнотой власти, то новые территориально-родовые связи стали толчком к усилению другой группы — элиты «черной кости» — биев, сохраняющей своими знаниями кочевое мироустройство. Такая переориентация властных полномочий не привела к смене общей парадигмы развития казахского общества, однако привела к смене обозначения зональных сообществ: от улуса к жузу.

Выполняя роль связующего звена между кочевниками и носителями политической власти, бии сосредоточивали функцию механизма социально-политического объединения социума, выдвигали инициативы, которые

вливали на верховную власть в целях защиты интересов своей родовой группы. Для достижения этой цели, как считает казахстанский историк А.И. Оразбаева, они осуществляли следующие функции: «Политическую функцию — служила механизмом вертикальной регуляции общественных отношений и средством согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных социальных слоев населения; социально-правовую функцию — исполняла решение гражданских, имущественных, территориальных и иных споров между родами и племенами, с одной стороны, и между членами одного рода и племени; идеологическую функцию — выполняла сохранение, обогащение и передачу национальной культуры; мобилизационную функцию — обеспечивала внешнеполитическую безопасность» [6: с. 99–103].

В XV веке участие биев в решении государственных дел приняло, по мнению ряда ученых (С. Узбекулы и др.), организационные формы. Речь идет о советах биев и ханском совете. В основном современные исследователи опираются на труды дореволюционных авторов, которые, к сожалению, не могут дать ответы на многие вопросы функционирования этих институтов. Отмечаются разные уровни таких советов: они собирались для решения дел как на уровне рода, так и на общегосударственном.

На важную роль таких советов биев при хане обратил внимание известный казахстанский правовед С. Узбекулы [10]. По мнению ученого, реформы Тауке хана охватили практически все стороны жизни кочевников. Хан разделил земли между общинами исходя из природно-климатических условий региона, определил маршруты кочевания таким образом, чтобы перемещающиеся массы кочевников не встречали на своем пути преград в виде других кочевых общин. Подобного рода мероприятия требовали правового упорядочивания отношений как внутри, так и вне кочевой общины. По мнению С. Узбекулы, хан во внутренней политике руководствовался принципами выдвижения на «руководящие должности в государстве мужей инициативных, умных, честных, предприимчивых, пользующихся уважением и доверием народа. Они должны были обладать не только проницательным умом и безукоризненной честностью, но и личным мужеством» [10: с. 91]. Это в свою очередь привело к включению совета биев в процесс управления, и он стал постоянно действующим органом при хане. Полномочия этой структуры были настолько широки, что, как отмечает исследователь, «сам хан не мог аннулировать его решения. Авторитет этого органа был настолько высок, что даже хан Тауке без согласия “Совета биев”, без его утверждения, не мог, не имел права решать государственной важности дела. По своему государственному статусу “Совет биев” имел право оспаривать решение хана на то или иное действие, он являлся как бы Парламентом и Верховным судом в условиях кочевого образа жизни казахов и утверждал решения, принимаемые по вопросам внутренней и внешней политики» [10: с. 92]. Состав совета избирался всенародно и включал представителей старейшин родов. Таким образом, С. Узбекулы

также считает, что prerogatives биев были достаточно обширными, причем особо выделяет среди них правотворческую.

Не менее значимой была судебная функция биев. Отмечая характерные особенности судебного процесса в казахской степи, С. Узбекулы выделяет несколько признаков бийского правосудия: гласность, третейский характер суда, право апелляции, использование доказательной базы (свидетельские показания, присяга и т. д.), примирение конфликтующих сторон по взаимному согласию. «В обычном праве эти действия назывались “Битим”, “Береке” и “Салауат”» [10: с. 119].

Эти процессуально-правовые институты призваны были привести стороны к взаимному согласию, к удовлетворению морального и материального ущерба. *Битим* предполагал завершение спора мирным соглашением, нарушение которого грозило потерей доверия общинников к словам и действиям нарушителя соглашения. *Береке* служило началом всевозможных сделок, выгодных для обеих сторон. *Салауат*, или прощение, происходило при большом стечении народа, когда стороны прощали друг другу обиды и отказывались от своих претензий. Еще одна разновидность примирительных процедур — «жүгініс» (совещание) [2: с. 85]. На таком совещании рассматривались крупные межродовые конфликты, долгосрочные тяжбы и т. п. В таких случаях обе стороны призывали на совещание более опытного, известного своей справедливостью, мудростью бия — «ара бия», который также старался примирить стороны и прийти к взаимовыгодному решению.

Одним из первых современных исследователей, который осветил роль батыров и биев в казахско-джунгарских отношениях, стал известный казахстанский и российский историк В.А. Моисеев (1948–2007). Исследователь отмечает, что период XVII–XVIII веков стал бы трагической страницей в истории среднеазиатских народов «если бы... дело спасения страны не взял на себя сам народ, выдвинув из своей среды выдающихся организаторов-предводителей — Букенбая, Кабанбая, Саурыка, Тайлака, Джаныбека, Малайсары, Утегена и многих др.» [5: с. 78].

Джунгарское нашествие нанесло непоправимый ущерб Степи. Контроль ойратов (джунгар) над юго-восточными и южными районами кочевий казахов привел к нарушению традиционных маршрутов кочевания, что повлияло на обострение межродовых отношений из-за возникшей земельной тесноты, к опустению городских и ремесленных центров, служивших средоточием обмена товарами между среднеазиатскими народами и кочевыми племенами, к нарушению родовых и этнических связей между кочевниками, оказавшимися в разных государственных образованиях. В этот период политической и экономической раздробленности роль элиты «черной кости» — биев и батыров — значительно возросла.

В.А. Моисеев отмечает значимость всеказахских съездов 1710 и 1726 годов, на которых были приняты решения о создании народного ополчения

и организации отпора джунгарам. Особенно исследователь подчеркивает важность съезда, состоявшегося в местности Орда-Басы к юго-востоку от Туркестана в 1726 году. По его мнению, инициаторами созыва собрания являлись, скорее всего, батыры и бии. В том же году они, объединив силы трех жузов, смогли нанести джунгарам серьезное поражение на берегу реки Буланты. После этой битвы народное ополчение «перехватило инициативу и перешло в контрнаступление. В то же время, пусть и незавершенная, победа над столь грозным противником пробудила в казахском народе чувство национальной гордости, значимости единства» [5: с. 79–81].

Таким образом, бии являлись непосредственными носителями военной власти во внешнеполитической области, причем с этим фактом ханам приходилось не только мириться, но и принимать его как реальность.

Казахский хан в военное время выполнял функции главнокомандующего армией, а в мирное время его внешняя политика ограничивалась дипломатической сферой, которая была подконтрольна совету старейшин и носила, скорее всего, формализованный характер. Однако такой вывод, скорее всего, применим к тем историческим периодам, когда власть хана переживала кризис, и хан был вынужден считаться с мнением предводителей родовых подразделений. Но даже и в период расцвета, к примеру, во времена Тауке хана, роль совета старейшин не утрачивала своих позиций. В.А. Моисеев считает: «Чтобы быть избранным в ханы, недостаточно было одного происхождения, необходимо было доказать свое превосходство над соперниками в богатстве, на бранном поле или в судебных делах, а самое главное — иметь под своей властью как можно больше родов, и, следовательно, поддержку родовой знати — биев и старшин. Действительно, реальная власть казахских ханов порой ограничивалась тем поколением, родом или племенем, в котором он был владельцем» [5: с. 89].

Итак, проводившееся учеными углубленное изучение вопросов внутренней и внешней политики Казахского ханства позволяет говорить о том, что бии играли роль связующего звена между всеми структурными уровнями казахского общества и обеспечивали своей деятельностью его укрепление и развитие.

Литература

1. *Бажиров Д.Д.* Материальное производство и социальная структура кочевников Центрального Казахстана (конец XVIII – первая половина XIX века): дис. ... канд. истор. наук. М., 1990. 177 с.
2. Қазақ елінің сот билігі. Алматы: Дидар, 2003. 208 с.
3. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд., исправл. и доп. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.
4. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
5. *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

6. *Оразбаева А.* Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа // Саясат. 1997. № 5. С. 99–103.
7. Султанов Т.И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2003. 160 с. Сер. «Слово седьмое».
8. *Султанов Т.И.* «Семь установлений» — памятник права казахов XVII в. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. // Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 64–100.
9. *Тасмагамбетов И.* Введение // Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 3–7.
10. *Узбекұлы С.* Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002. 224 с.

References

1. *Bazhirov D.D.* Material'noe proizvodstvo i social'naya struktura kochevnikov Central'nogo Kazaxstana (konecz XVIII – pervaya polovina XIX veka): dis. ... kand. istor. nauk. M., 1990. 177 s.
2. Қазақ елінің сот билігі. Алматы: Дидап, 2003. 208 с.
3. *Klyashtorny'j S.G., Sultanov T.I.* Gosudarstva i narody' Evrazijskix stepej: ot drevnosti k Novomu vremeni. 3-e izd., ispravl. i dop. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009. 432 s.
4. *Klyashtorny'j S.G., Sultanov T.I.* Kazaxstan. Letopis' trex ty'syacheletij. Alma-Ata: Rauan, 1992. 378 s.
5. *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe xanstvo i kazaxi. XVII–XVIII vv. Alma-Ata: Gy'ly'm, 1991. 238 s.
6. *Orazbaeva A.* Istoricheskaya rol' i social'noe znachenie instituta bijstva v istorii kazaxskogo naroda // Sayasat. 1997. № 5. S. 99–103.
7. *Sultanov T.I.* Rozhdenie kazaxskoj gosudarstvennosti. Istoriya Kazaxskogo xanstva. Almaty': Mektep, 2003. 160 s. Ser. «Slovo sed'moe».
8. *Sultanov T.I.* «Sem' ustanovlenij» — pamyatnik prava kazaxov XVII v. Kochevy'e plemena Priarial'ya v XV–XVII vv. // Voprosy' e'tnicheskoj i social'noj istorii). M.: Nauka, 1982. S. 64–100.
9. *Tasmagambetov I.* Vvedenie // Sultanov T.I. Podnyaty'e na beloј koshme. Potomki Chingiz-xana. Almaty': Dajk-Press, 2001. S. 3–7.
10. *Uzbekuly S.* Pravo kochevoj civilizacii kazaxov. Almaty': Mektep, 2002. 224 s.

Z.S. Mazhitova

On Functions of Biys¹ in Kazakh Society:

Some Approaches of the Current Russian and Kazakh Researchers to the Issue

The article considers the approaches of current researchers regarding the issues of functional features of the biys institution. The scientists point out that biys in Kazakh society concentrated in their hands a wide range of authorities which allowed them to govern the nomadic society.

Keywords: modern Russian and Kazakh historiography; biys' court; biys' functions.

¹ Institute of biys is the authority in the traditional Kazakh society, which concentrated in its hands all the imperious powers, including the judiciary.